

письма. Интеллектуализация эмоции — вот что является главным...»¹

Это сказано о позднем творчестве композиторов, но применимо и к поэтам.

ветер гонит по небу тучи б/у
клочковатые и рваные после грозы

и если присмотришься ты разглядишь
выведенный на облаке химическим
карандашом

обрывок слова

...ЛЮ!

Здесь всё: и графичность, и камерность, и умозрительность — но не как сухая

абстрактность, а как уже отмеченная способность думать, мыслить глазами.

Эти строки, кстати, из стихотворения, давшего название книге: «Свидетель оправдания».

Оправданию подлежит, ни больше ни меньше, сам мир, со всеми его несовершенствами («ты думаешь / мир свинчен на шурупах и болтах / а он по старинке на гвоздях и не разбирается без гвоздодёра»). Оправдывается он, разумеется, любовью — тем самым обрывком слова, оканчивающимся на «...лю!».

Надо лишь уметь разглядеть, увидеть это оправдание. Стать его очевидцем и свидетелем.

¹ Друскин М. Игорь Стравинский. Личность, творчество, взгляды. Изд. 3-е. М.: Сов. композитор, 1982. С. 161.

Галина Зайнуллина

Отцы и дети: перезагрузка

Роман Булата Ханова «Развлечения для птиц с подрезанными крыльями» подернут флером социальной фантастики. Уж в очень необычном городе, с завораживающим названием — Элнет Энер, разворачиваются его события. Это столица Беледышской республики, где проживают загадочные республико-образующие беледышцы, а также бунтарки

с сине-зелеными волосами, бир-гики и рокеры с татуировками на предплечьях.

Вначале в Элнет Энере без труда угадывается Йошкар-Ола, столица Марий Эл, именно здесь лет десять назад заросшие мелколесьем берега Малой Кокшаги застроили зданиями в венецианском, флорентийском и баварском архитектурном стиле. На набережной Элнет Энера также властвует помпезность, «любовно возведенная из неуместных элементов»: фасады зданий обильно украшены пилястрами, ангелами и грозными львиными мордами; под сенью

Булат Ханов. Развлечения для птиц с подрезанными крыльями: Роман. — М.: Эксмо, 2020.

фламандских кровель размещаются банки, закусочные, кофейни, сувенирные киоски, контактные зоопарки, музеи и самые прозаические госучреждения типа Минсельхоза; музей матрешек парадоксально соседствует в одних стенах с общественной приемной правящей партии.

Во второй же части романа в Элнет Энере угадываются казанские реалии, а именно Старо-Татарская слобода на берегу озера Кабан. Беледышская слобода тоже располагается на берегу озера, являя взору горожан и туристов «нечто в высшей степени облагороженное и эксклюзивное»: отреставрированные ярко раскрашенные деревянные домики, солярные символы на заборах; обилие сувенирных лавок, закусочных с национальной едой, памятных табличек с именами видных беледышских просветителей и купцов.

Таким образом, Ханов представляет читателю Элнет Энер как типичную столицу поволжской республики, которой вменено в обязанность на излете этнического своеобразия коренного населения усиленно его декларировать. Потому город «ухмыляется и интригует». С одной стороны, в нем, как везде, вывески торговых и развлекательных заведений свидетельствуют о победном наступлении глобализации: «Вейпер из виртуальной галактики», «Санта Барбер», творческая студия для детей «Рандеву Кидс», квест-пространство «Ризома», магазин инструментов «Синьор Гвоздоёр». С другой стороны — здесь педалируется культурная исключительность, школьные учебники по истории края концентрируются на исторической драме беледышцев, а руководство ведет тонкую политическую игру на вымышленных различиях.

Так что ничего удивительного в том, что Элнет Энер становится центром притяжения для необыкновенных молодых людей. Одного сюда приводит необходимость писать магистерскую работу о беледышцах, другого — желание сменить сумрачный питерский климат на более здоровый, кто-то вообще попадает

случайно, пытаясь скрыться от всевидящего глаза и «всеслышащих ушей» ненавистного родителя.

Взять Иру Тимофееву из Самары — девушку, которая предпочитает неброские практичные наряды, питается по вегану, слушает оцифрованные птичьи трели вместо музыки, любит советскую символику, а еще — признается в асексуальности: «Я морозилка». То есть Ира ломает традицию «странных женщин», заложенную в начале XX века, делать главным поступком своей жизни любовь, отстаивая право на сексуальное удовлетворение — такое же, какое имеют мужчины. Да, она феминистка и от обращения «девушка» чувствует себя гендерно неполноценной, но феминизм ее — особого рода, анархический, основанный на понимании того, что дремучие патриархальные нравы и неравенство зарплат — это далеко не все ущербные стороны современной цивилизации.

Эта «чудная смесь исключительности и заурядности» приходится по душе другому главному герою романа — Елисею Васнецову. Ему нравится в Ире все: щербинка между зубами, «выражение элегической отрешенности, притягательной, как солнечное затмение или рассветный туман над озером», а признание в нетактичности вообще приводит в восторг. «Это делает связь более разноликой и возвышенной», считает Елисей, позволяет отвергнуть привычные модели взаимоотношений (с «полежалками, выжимающими все соки») и двигаться навстречу неизвестности, которая ничего не обещает. Трансгрессивный эрос, по его мнению, «это как прыжок с парашютом, но без инструктора».

Сам Елисей — агент фрейд-лакановского знания, «смаживающий на рокера старого пошиба, постигшего азы мастерства в гараже, а не в школьном оркестре или чистенькой студии». Он вырос в закрытом уральском городке, его родители ездят на «Гранте», имеют дачу в Челябинской области, проводят выходные на горнолыжке и каждый год отдыхают на море. Почему их отпрыск загорелся идеей

отмены частной собственности, бог весть. Может быть для того, чтобы отсутствие квартиры, машины, дачи и депозитарной ячейки возвышало его в глазах таких странных «странных женщин», как Ира? Из личного имущества у 24-летнего молодого человека имеется лишь походный рюкзак с вещами первой необходимости. Он перестал считать километры, которые проехал по стране автостопом, когда их количество перевалило за десять тысяч, и «с особым цинизмом» променял магистратуру в Институте наук о Земле на пивное блогерство. Отзывы Елисея о новых сортах крафтового пива исполнены такой вдохновенной орнаментальности (в структуре романа они выполняют роль интерлюдий), что число его подписчиков в «Инстаграме» приближается к семи тысячам, а Крафтовая ассоциация России наделяет его пожизненным абонементом на бесплатное пиво.

Самый фантастический среди главных персонажей, конечно же, Марк Решетницкий — сын главы корпорации «Атомпром». Он похож то ли на маркетолога, то ли на арт-директора, заночевавшего на вокзале. Каждый месяц Марк исправно получает на банковскую карту по миллиону от отца, которого по идейным соображениям ненавидит. Он переезжает из города в город, совершенствуется в алкомарафоне, а большую часть отцовских денег жертвует центрам реабилитации диких птиц, поисковым отрядам, сельским домам культуры и старинным храмам — сайты по краудфайндингу предоставляют ему огромные возможности для расточительства.

Тем не менее Ханов настаивает на психическом здоровье Марка: «В его хаотичных метаниях от простоты к искусственности и обратно, в спонтанных перелетах из города в город <...> содержалось столько же безумия, сколько и в ухищрениях офисного труженика, торгующего из-под прилавка левыми сим-картами ради копеечной прибыли, или в оправданиях пьяницы, уверяющего, будто водка мешает расти раковым клеткам».

Что же объединяет Иру, Елисея, Марка, а также некоторых второстепенных персонажей, например, криптовалютчика Влада, похожего на «чокнутого программиста, объявившего бойкот законной действительности», да и таких третьестепенных, как мелькнувшие в воспоминаниях Марка испанские сквоттеры? Все они себе на уме личности, представители той самой породы привитых от конформизма, которую мечтал вывести учитель русского языка Роман Тихонов в другом романе Булата Ханова — «Непостоянные величины».

Их насущная потребность — свобода от навязанных штампов и осознание полета. Поэтому они неспособны системно заниматься какой-нибудь «фундаментальной мудистикой» в институциях, чей общий принцип организации — от армии до университета — «тщательно регламентированный беспорядок».

Они ревностно блюдут свои личные границы и обретенную идентичность: пресекают владельческие посылы и никому не позволяют рассматривать себя как «проект, который требует апгрейдов и доработок»; при общении не идут на компромиссы, если что-то не устраивает, сообщают о своем недовольстве и обрывают контакты — блокируют в мобильных приложениях и социальных сетях.

Интересно их сравнить с молодыми интеллигентными людьми начала XX века. Как и сто лет назад, миллениалам важно самоопределение, причисление себя к какому-либо идейному кругу, течению, только в гиперинформационную эпоху им намного легче найти свою «систему фраз», создать уникальный ментальный дизайн. Потому, в отличие от Клина Самгина, у каждого из персонажей романа Ханова, несмотря на бытовую неустроенность, имеется дом «в смысле идеальном, в смысле внутреннего уюта».

То есть самоидентификация, самопознание на уровне внутреннего диалога, полемики с собеседником, диалога с действительностью для них не является первоочередной проблемой. Даже для Марка, «выключенного из

укорененных практик межчеловеческого обмена». Однако по-прежнему, как и сто лет назад, среди молодежи мало тех, кто вопрошает себя о том, что он должен сделать для изменения мира. Подавляющее большинство, страдая аллергией на идеалы, старается ускользнуть из социума, не видя особой доблести в том, чтобы «состязаться за бесполезные цифры и брать символические рубежи», — «птицы с подрезанными крыльями» уходят в дауншифтинг, репетиторствуют по скайпу, партизанят в даркнете.

Исключением является импульсивная Ира, не приемлющая полумер. В финале романа она совместно с Япаром Шалкиевым, представителем местной общины и куратором музея истории беледышцев, устраивает несанкционированную акцию «Еда вместо бомб». Именно в осмысленном протестном действии, в согласии со своими принципами, без всяких «если» и «но», девушка обретает цельность, которую ищут в религии и психопрактиках, в жесткой дисциплине и безудержных удовольствиях.

Пассионарность Иры не приводит к резкому противопоставлению ее другим героям — волею автора Марк и Елисей оказываются в нужное время в нужном месте. Первый вручает бунтарке сумку с миллионом рублей, предлагая инвестировать его в любой протест, где выступают за равенство и против угнетения; а второй, пусть в печальной фазе опьянения — с глазами, сбившимися в кучу, присоединяется к незаконной акции и огребает люлей от бизнесмена Хрипонина.

Сергей Хрипонин — вот истинный антагонист Иры. «Монолитный мудака», как его характеризует один из юных маргиналов. Почему, понять решительно невозможно. На первый взгляд автор нам показывает талантливого человека, который талантлив во всем.

Хрипонин — успешный предприниматель: владелец пивного бара «Рекурсия», бирмаркета и фермерской лавки. В каждое из этих торговых заведений он

наведывается лично; в лавку — не только для того, чтобы насладиться ароматом бездрожжевого хлеба и полюбоваться, как редуют ряды элитного сыра и термостатной ряженки, — ему важно время от времени вставать за прилавок и беседовать с покупателями.

Особое внимание бизнесмен оказывает «Рекурсии», потому как понимает: «Любое место, где наливают, обладает ни с чем не сравнимой аурой», то есть душой, которую следует трепетно оберегать и «не травмировать бесконечными новшествами или, напротив, оскорбительным невниманием». С персоналом он обращается раскованно и вдохновенно, в пику шаблонным методичкам, с собственными детьми тоже — умело переводя досадные проблемы в мудрые наставления. Семья у него вообще образцово-показательная — «всем фасадам фасад»: Сергей и его красивая деловая супруга никогда не ссорятся по пустякам и не изменяют друг другу.

По сути, Хрипонина можно назвать идейным единомышленником Елисея. «Крафт — это малые инициативы и крупные планы, это жажда изобретений и дух единства», — говорит он в зажигательной речи на открытии фестиваля крафтового пива «Крафтира». Елисей вторит ему в своем блоге: «Крафт — это поле для спонтанных встреч и веселых совпадений, это плацдарм для борьбы с госстандартами и тираничными тождествами. Крафт — это обещание свободы и путь к привычности непривычного». Однако Ханов, который в послесловии к роману называет себя «самоназначенным представителем такого низового движения, как крафтовая культура» солидаризируется только с Елисеем, а созидательную деятельность Хрипонина старательно обесценивает. В частности тем, что определяет ему в качестве ближайшего родственника мэра Элнет Энера — старшего брата Михаила.

Однако тот в юности, добровольно отказавшись от протекции отца, народного депутата от компартии, решительно укатил в плацкартном вагоне в Москву и без

чужой помощи поступил на юрфак. А Анатолий Решетницкий, отец Марка, прежде чем стать гендиректором «Атомпрома», будучи молодым, участвовал в факельных шествиях с плакатом «Белые всех стран, соединяйтесь!». Должно быть, прекрасная взбалмошная молодость была у каждого из должностных пустоцветов, щеголяющих в презентабельных костюмах и деловито щелкающих замками на кожаных кейсах, в том числе у Аллы Максимовны из Института беледышской энциклопедии — научного руководителя Иры, чуткого к дыханию рынка, голосу догмы и умело переводящего злободневные проблемы в отлаженное бюрократическое русло.

Таким образом, логика повествования подводит нас к следующей мысли: каждый взрослый порочен в принципе, потому что, успешно преодолев кризис четверти жизни, забыл о том, как в двадцать плюс его мучило от предопределенности и необходимости следовать чужим стандартам. Самое ужасное — большинство обзавелись семьями. Между тем исполнение супружеского долга, основанного на привычке, бессмысленно и отвратительно: «все методично и заученно, проще таблицы умножения». В этом убеждает эпизод, в котором Сергей Хрипонин, «прирученный и отформатированный», убаживает жену Лизу. Только ради одной этой сцены шести-, семи- и восьмидесятиникам, для которых секс был безусловной ценностью, следует прочитать «Развлечения птиц...» — взглянуть на интим глазами другого поколения, осознавшего его ничтожность: сегодня даже самые скромные и невзрачные ребята всегда могут рассчитывать в компании на «дружеский перепихон».

Ира, к примеру, уверена, что «лучше уйти в революционное подполье, чем налаживать с кем-то мещанский быт, возведенный на взаимных уступках, обидях

и меркнувшей симпатии». А Елисей по опыту знает, что «постельная близость не только придает любви оттенок партнерства, но и обедняет общение». Ему страшно представить себя состарившимся с Ирой в законном браке: «вот они вдвоем бегают в щадящем режиме, вот замеряют друг другу артериальное давление, вот наперебой вспоминают, какое прекрасное пиво варили во времена их молодости, не то что нынче...»

Может быть, все дело в том, что разные этапы становления личности рожают разные типы сознания, непроницаемые друг для друга? Поэтому с таким упорным постоянством из века в век возникает проблема отцов и детей? У Тургенева в известном романе она разворачивается в идейное противостояние, а у Ханова — в экзистенциальное.

Впрочем, в «Развлечениях для птиц...», вероятно, помимо воли автора, брезжит надежда на разрешение конфликта поколений — когда устами Марка помпезный квартал в центре Элнет Энера называется «памятником человеческому духу, ведомому неизъяснимыми прихотями и непредсказуемыми дерзаниями». Правда, создание уникальной набережной приписывается «коллективному демиургу в лице градостроителей». Получается, не губернатор области, не главный архитектор Элнет Энера проявили инициативу, а некий собирательный демиург сделал захолустный город туристически привлекательным. Причем не ради увеличения капитала и не ради увеселения бюргеров, не ради одобрения Москвы — целью являлось оправдание своей земной миссии и «возвеличение человечества в глазах Всевышнего»! Но мы-то догадываемся — за дерзновенным градоустроительным свершением стоял взрослый состоявшийся человек, по-юношески открытый новаторским идеям.

Дмитрий Артис

Стабильная безысходность

«Эффект бабочки» как феномен, отчаянно распиаренный западной культурой, а потом взятый на вооружение метеорологами, психологами и фантастами всего мира, при своей легкости для восприятия даже самым средним умом, так и не смог прижиться на почве русской поэзии. Она все-таки склоняется к стабильной безысходности и почти не тратит время на поиск причины неожиданного стихийного бедствия.

Как бы ни взмахивала бабочка своими изящными крыльями где-то в районе Амазонки, какой бы ураган после этого ни снес половину Нью-Йорка, в русской поэзии останется в неизменном виде все, вплоть до ледяной ряби канала, аптеки, улицы и фонаря. Что может маленькая тщедушная бабочка, когда смерть человека не способна повлиять на рутину бытия? Оттого, наверное, такое всепоглощающее и неустанное стремление авторов придать зловещей обыденности форму праздника, будто пушкинский пир во время чумы впитался с молоком матери и стал их неотъемлемой частью.

Подобное мироощущение максимально реализуется Яной-Марией Курмангалиной в книге «Спит Вероника», где зачастую семейно-бытовые праздники описываются на фоне человеческих трагедий. Показательно стихотворение «за время...». В нем рассказывается о смерти старого знакомого лирической героини, пока та пекла пирог своему сыну. Старый знакомый *пускает под нож* свой последний

час, а сын героини просит отрезать еще один кусок пирога.

мы ели пирог и ребёнок — мам —
сказал мне — отрежь ещё

Устойчивое словосочетание «пустить под нож» разворачивается метафорой и звучит в разных прямо противоположных контекстах. «Нож» может служить атрибутом не только трагедии, но и праздника. Все настолько близко, что трудно отделить одно от другого. Здесь же — в этом же стихотворении — к бытию приставлен (удобный и вполне себе общепринятый для русской поэзии) эпитет «постылое». И действительно, каким еще оно может быть, если не постылым, когда смерть настолько привычна и легка, что ничем не мешает жизни.

Смертей в книге много. Притом, что в них нет самооценности. Всего лишь некий антураж, декорации, небольшой штрих к стихам. Где-то о них говорится походя, либо для остроты ощущений, либо для того, чтобы наиболее красочно описать саму жизнь, а где-то они являются неким исходным событием, дающим толчок для развития стихотворения. Последний вариант, как правило, встречается в текстах, которые по своему построению ближе к новеллам.

Яна-Мария Курмангалина одинаково хороша и в мамском халате лирической героини, и в потертых джинсах увлекательной рассказчицы. Как дантовский герой, пройдя земную жизнь до середины, оглядывается на свое детство и тут же начинает размышлять о том, как будет выглядеть в старости. Стихотворение «по детству к врачу к врачу», где «к врачу»

Яна-Мария Курмангалина. Спит Вероника: Сборник стихотворений. — М.: «Стеклограф», 2019.